

8. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М., 2002.
9. Славянская мифология: [энциклопедический словарь] [Текст]. – М., 1995.
10. Телия, В.Н. Русская фразеология [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1996.
11. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка [Текст] / А.Н. Тихонов. – М., 1985. – Т. 1-2.
12. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1974.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – СПб., 1996.
14. Шейгал, Е.И. Власть как концепт и категория дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж, 2001. – С. 57-64.

Р.Е. Богачёв

Белгородский государственный университет

## РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ

В концептуальной структуре личности (концепт как основная структура представления знаний) выделяются: а) общенациональный компонент, б) групповой (по принадлежности к социальным, возрастным, профессиональным и др. группам), в) региональный и индивидуальный (специфические характеристики концепта, обусловленные особенностями индивидуального опыта человека) [2: 49].

Таким образом, концептуальная картина мира индивида является своеобразной интерпретацией его окружения, которое обуславливает специфику ментального и физического опыта индивида и складывается из ментальных репрезентаций, проникнуть в сущность которых возможно лишь благодаря языковым структурам.

В основе различий разных концептуальных картин мира лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» [4: 174]. Под формой языка В. фон Гумбольдт понимает не его структуру, не лексику и грамматику, не правила словообразования и синтаксическую сочетаемость, а то, что идет от корней этого языка, что, вероятно, можно назвать принципом соединения звуковой оболочки со значением [5: 92].

В литературе часто встречается термин «концептосфера» или «национальная концептосфера». Эти термины возникли в связи с когнитивным подходом к понятию «картина мира». В основе теории национальной концептосферы лежит идея единства в разнообразии. Национальный культурный мир – часть реального мира [10: 53-54].

Определение точного круга национальных концептов – задача окончательно не разрешимая. Концепты меняются во времени, в разных социальных сферах, в национальных, возрастных группах, даже в представлении разных людей.

Сложность задачи не опровергает необходимости научного методологического подхода, хотя и демонстрирует его ограниченность. Переход целого ряда концептов, таких как *совесть, любовь, соборность, индивидуализм, воля* в национальные константы не всегда может быть объяснен логически и материалистически, интуитивные догадки, знаки смыслов, символы нуждаются и в научном анализе и уточнениях.

Набор концептов и констант и характер их сцепления определяют ядро национальной концептосферы и задают национальному культурному миру собственный ритм, подобный «заданному ритму этнического поля», о котором писал Л. Н. Гумилев [6: 181].

Концепты в вербальной форме в национальной концептосфере получают подтверждение и бытование в концептах невербальных. Они живут в памяти народа, в особенностях его психического склада, в национальных пристрастиях и привычках, в литературе и искусстве [11].

Концепт – это то, что разделяет национальные культуры и то, что их сближает. «Свой-чужой» – среди важнейших. Как и другие базовые концепты, они продуцируются многими причинами – природной, идеологической и этнопсихологической [1: 101-106].

Процесс воспроизведения картины мира в человеческом сознании обычно представляется в виде чувственной и рациональной (логической) модели действительности, но столь же правомерно, как отмечает Г.А. Брутян, представление картины мира в виде концептуальной (логической) и языковой моделей, так как такой подход даёт возможность раскрыть взаимоотношение языка и мышления в процессе познания, а также показать роль языка в формировании картины мира в сознании людей и более полно представить проекцию окружающей действительности. При этом под концептуальной картиной мира (ККМ) понимается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом отображении [3: 108-111]. ККМ – это духовная (идеальная, ментальная) структура, которая существует не в языке, а в сознании. Человеческие творения возникают первоначально в мысли, в духе, и лишь затем объективируются в знаки [7: 16]. Основные структуры знания, связанные с человеческой деятельностью, реализуются с помощью организующих их моделей, и таким образом устанавливается связь между когнитивными и языковыми структурами знаний [9: 18-20]. Следовательно, ККМ является отражением структуры представления знания, «языка» мысли.

Грань между ККМ и языковой картиной мира (ЯКМ) чрезвычайно тонка, так как язык «означивает» основные элементы ККМ и репрезентирует ККМ в своих речевых построениях, при этом структура этих построений отражает структуру мысли. ЯКМ – это продукт когнитивной деятельности сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации, в актах художественного представления действительности.

Таким образом, ЯКМ – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых, национальных разговорных языков. Посредством языка речь творит множество иных миров, кроме действительного. Сознание создаёт, а речь передаёт в многообразных комбинациях картины миров реальных и ирреальных, действительных и мнимых, возможных и невозможных, и смешанных, которые идентифицируются и оцениваются относительно мира действительного [8: 6-12]. В связи с тем, что существуют фольклорные и литературные произведения, можно предположить существование фольклорно-словесной и литературно-словесной картин мира, для которых характерна специфическая языковая реализация.

Рассмотрим различия в развитии разных языковых (а значит и концептуальных) картин мира на примерах лексики, меньше всего подверженной изменениям в любом языке. Это будут не метафорические выражения, не выражения с переносным смыслом, и не этноконнотации, представляющие трудность для представителя другой культуры. Наше внимание привлекли те слова и выражения, которые прочно вошли в жизнь любого человека, так, что он уже не задумывается о смысле этих слов, тем более, что смысл давно уже нивелировался и представлен, скорее, имплицитно. Это ритуальные фразы «благодарности», «добраго пожелания».

Слово «спасибо», которое мы произносим не задумываясь, тем не менее, структура этого слова даёт абсолютно точное понимание того, откуда оно произошло (Спаси тебя (Вас) Бог), поскольку за реализацией этого слова в языке стоит концепт «благодарность» входящий в концептуальную картину мира.

Сравним его с аналогичными выражениями в английском «thank you», немецком «danke», французском «merci», испанском «gracias», чешском «děkuji», в польском «dziękuję». В германских языках отчётливо видно, что у английского и немецкого вариантов явно общее происхождение, особенно если учесть, что «th» и «d» являются вариантами «f» (например древнеисландское «fakka», который и реализует концепт «благодарность» в языковой картине мира). Эти слова практически не изменялись на протяжении тысячелетий. То есть расхождения в этих языках минимальны. Схожесть польского и чешского варианта тоже говорит об общем славянском корне (показателен пример и на украинском). Следуя логике, нужно признать, что и русский язык имел когда-то слово, приблизительно похожее по форме и звучанию на примеры из польского и чешского. (Если мы посмотрим на другую ритуальную фразу «добрый день», то в польском это «dzien dobry», а в чешском «dobry den»; соответственно «добрый вечер» будет «dobry veser» на чешском и «dobry wieczor» на польском. Реализация соответствующих концептов в языке практически идентична). Однако, в русском языке мы видим слово «спасибо», которое образовалось от «спаси бог», и является языковой данностью связанной с культурной особенностью народа (предполагается, что это связано с религиозностью русских). То есть, концепт «благодарность» в русском языке получил презентацию в языковой картине мира, отличную от других языков. Причина

заключается в несовпадении объёмов соответствующего концепта в русском и других языках, и влияние на него других ключевых концептов национальной концептосферы.

В романских языках тоже не наблюдается единообразия, хотя ситуация тут немного другая: «merci» и «gracias» разные слова, закреплённые по какой-то причине в языке, но они «выросли» из одного концепта «милость, жалость, милосердие». Единство этих слов не в форме, а в содержании. (Слово «merci» встречается в таком окружении, как «sans merci — беспощадный, безжалостный», être à la merci de qn. – быть в чьей-л власти (то есть зависеть от чьей-то милости), что помогает раскрыть его концептуальное наполнение. Без тщательного этимологического исследования трудно сказать, почему это слово закрепилось в качестве выражения благодарности, но возможно, первоначально его говорили не после того, как получали что-то, а до этого; затем, как и у всех слов ритуального значения, его форма сохранилась, а содержание в этом значении утратилось. Но нам важен сам факт: это слово сформировалось конкретно под определённую языковую общность, отлично от всех других. Слово «gracias» встречается в таком окружении как «caer de la gracia» – впасть в немилость, потерять чью – то благосклонность; «caer en gracia» – попасть в милость, понравиться кому-то; «estar en la gracia de» – быть в милости у кого-то. Здесь чётко прослеживается связь с латинским, «gracia» – милость). Нужно заметить, что общие лексические значения для пересекающихся концептосфер разных языков в этой области существуют. Mercy-merci-merced, в английском, французском и испанском существуют похожие по значению слова, в испанском «merced a» тоже используется как выражение благодарности, но насколько мы можем видеть, даже в области ритуальных слов и выражений, языковая общность основывается в своём выборе на какие-то культурологические критерии. При этом одни и те же концепты в разных языках имеют своё наполнение и реализацию в языковой картине мира.

Как видно из этих примеров, исследование ЯКМ в диахронии может дать интересные результаты, а кроме того, мы получаем осознание того, что это не сиюминутное явление, она формируется в процессе эволюции языка, как отражение ККМ.

Относительно исследования ЯКМ в синхронии, отметим, что при межкультурной коммуникации, даже без использования затрудняющих понимание слов и сочетаний, содержащих этноконнотации, возникают трудности даже при использовании пространственных предлогов. Простое русское словосочетание «на углу» при переводе не обходится без учета ЯКМ. Эквиваленты в других языках:

«at the corner» – в английском (at – у, в, за, на),

«an der Ecke» – в немецком (an – у, в, к, на, за),

«au coin» – во французском (au – в; до; на; с; за; о).

В испанском существует два значения слова «угол»: esquina и rincón, причём первое слово женского рода, а второе мужского. Есть у них и более существенное различие в плане содержания, первое обозначает угол как внеш-

ную сторону здания, а второе – внутреннюю. Соответственно «на углу» будет «En la esquina», а в углу, как внутри здания – «En el rincón».

Данные предлоги исторически закреплены за этими выражениями, а почему они отличаются друг от друга можно объяснить только влиянием ККМ. Просто вербализованная репрезентация в языке в разных национальных концептосферах имеет своё наполнение. Германские и славянские формы не различают «внешние и внутренние особенности углов, но это ещё более осложняет понимание: в русском. «Я жду тебя на углу» под углом ассоциируется «угол тротуара возле дома на углу улиц»; в то время как в нем. “Ich warte auf dich an der Ecke” и англ. “I am waiting for you at the corner” имеется в виду угол самого здания. Это прекрасные примеры особенностей актуализации ЯКМ. Незнание этих «мелочей» (весь язык состоит из таких мелочей) и интерференция русской ЯКМ “auf der Ecke”, “on the corner” вызовет непонимание (что-то типа «на углу крыши дома»). Аналогично «сидеть на дереве»: англ. “to sit in the tree”. Что же англичанин понимает под словом «дерево» – ствол или крону?

Своеобразное влияние концептуальной картины мира на лексический состав языка можно проиллюстрировать примером из исландского языка. Как известно, исландский язык уже тысячу лет сохраняется практически в неизменном варианте. Это объясняется многими факторами: удалённостью территории этноса, её изолированностью, относительной малочисленностью, а следовательно, сплочённостью этноса, его желанием сохранить свою культуру и язык. Нам интересно было проследить особенности ЯКМ этого языка. Вот один из показательных примеров: стюардесса на исландском будет как flugfreuja (от flug – полёт и Freuja одна из главных богинь скандинавского эпоса). Звучит достаточно поэтично – «богиня полёта». Но в данном случае это имеет и свою практическую ценность. Вместо того, чтобы заимствовать это слово из другого языка, или даже придумывать своё новое, исландцы нашли выход, как уберечь свой язык, и этот выход был найден в соответствии с их языковой и мифологической картиной мира. Они репрезентировали концепт «стюардесса», который появился в их национальной концептосфере извне, используя уже имеющуюся репрезентацию концептов «полёт» и «богиня». Появление нового концепта в национальной концептосфере, языковая картина мира отразилась уже имеющимися средствами языка, не допустив вмешательства извне. В этом отношении интересно отметить особенности китайского языка. На наш вопрос студентке-китайке «Как вы обходитесь с необходимыми заимствованиями?» был получен ответ: «Очень просто – два иероглифа «машина + думать» – компьютер, «машина + писать» – принтер, «машина + читать» – сканер и т.д. Мы бережём свой язык».

#### Литература:

1. Kirnoze Z., Susmann W., Konzepte des Eigenen und des Fremden als Problem der Kulturologie [Text] / Z. Kirnoze, W. Susmann // «Свое» и «Чужое» в европейской культурной традиции: литература, язык, музыка. – Нижний Новгород, 2000. – 354 с.

2. Бондаренко, Я. Дискурс акцентуированных мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Я. Бондаренко. – Київськ. держ. лінгв. ун-т. – К., 2002. – 248 с.
3. Брутян, Г.А. Язык и картина мира [Текст] / Г.А. Брутян // Философские науки, №. 1, 1973. –С. 108-111.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; пер. с нем., общ. ред. Т.В. Рамишвили, послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс. – 2000. – 400 с.
5. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – Л., 1990. – 181 с.
7. Гуревич, П.С. Культурология [Текст] / П.С. Гуревич. – М.: Знание, 1998. – 288 с.
8. Никитин, М.В. Об отражении картины мира в языке [Текст] / М.В. Никитин // Студия лингвистика. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб.: Тригон, 1999. – С. 6-12.
9. Позднякова, Е.М. Структуры представления знаний и словотворчество [Текст] / Е.М. Позднякова // Филология и культура: [материалы III международной научной конференции]. – Тамбов, 2001. – С. 18-19.
10. Рапопорт, А. Единство в разнообразии: наследие европейской культуры [Текст] / А. Рапопорт // Системные исследования. Методологические проблемы. – М, 1997. – Вып. 25. – С. 53-54.
11. Янов, А. Русская идея 2000 года [Текст] / А. Янов. – Нью-Йорк, 1988. – 227 с.

А.М. Еримбетова

Казахский национальный аграрный университет

## ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Сравнение является одной из важнейших составляющих концептуальной системы любого из языков, хотя, разумеется, «каждый естественный язык по своему членит мир, имеет специфический способ его концептуальности» [8: 3]. Формы выражения компаративности актуализируют языковую картину мира народа, способствующую постижению человеком окружающего мира.

Мышление носителей разных языков имеет общую основу, но область внелогического отражения мира вообще, как пишет О.А. Корнилов, «не предполагает какого-либо единства... Представители разных языкообразующих социумов ощущают, созерцают, оценивают и переживают по-разному. Справедливости ради нужно заметить, что эти различия вызваны не только неодинаковостью языкового сознания, но им – в первую очередь. Неповторимость мироосмысления, мироощущения и мирооценки конкретным этносом предопределена прежде всего сферой внелогического восприятия действительности: эмоции и оценки, их характер и глубина, факторы, их определяющие, – все это своеобразно, неповторимо, и все это отражено в языке» [3: 122-123].

Когда в основе сравниваемого лежит действительное сходство и сравнение логично и отражает широко известные явления действительности, то обеспечивается логическая убедительность всего высказывания. Сравнение представляется алогичным, если в нем нет обобщения человеческой практики,